МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

АННА,

ГУЛЬ ПО ИМЕНИ ДЕД

Желько Максимович

Анна, Гуль по имени дед

«Автор»
2026

Максимович Ж.

Анна, Гуль по имени дед / Ж. Максимович — «Автор», 2026

«Гуль по имени дед» — постапокалиптический роман в жанре драмы с элементами научной фантастики и антиутопии. Действие разворачивается в мире, пережившем ядерную катастрофу 2077 года. В центре повествования — история вины, длящейся два столетия, и попытки её искупления, предпринятой тогда, когда, казалось бы, ничего исправить уже нельзя.

© Максимович Ж., 2026
© Автор, 2026

Желько Максимович
Анна, Гуль по имени дед

Глава 1. Запах горелой проводки

1. Воздух

Воздух солгал.

Тридцать два года жизни в Пустоши научили Анну одному непреложному правилу: воздух говорит правду. Сухой ветер пахнет пылью и йодом — жди бурю. Сладковатый дух сырой земли — вода близко, копай. Запах озона и меди — гроза. Воздух не умеет притворяться.

Но в то утро, в сером рассветном мареве над Останкинской эстакадой, воздух пах горелой изоляцией. Палёный пластик и старая проводка — сладковатый, тошнотворный, почти живой. Анна знала этот запах. Знала, что он означает: где-то работает довоенная техника. Уцелевший генератор. Терминал. Что-то, что жрёт электричество, которого в этом мёртвом мире осталось — кот наплакал. Запах говорил: здесь безопасно, здесь технология, здесь довоенный порядок.

Воздух солгал.

И она, дура, ему поверила.

Сейчас, лёжа щекой на бетонном крошеве и считая удары собственного сердца, она понимала: никакого генератора не было. Запах шёл от старой проводки, которую грызли рад-крысы — огромные, с голубоватым свечением вдоль хребтов, твари размером с терьера. Они обживали руины «Зари» уже лет десять. Они и издавали этот запах, когда их зубы пробивали изоляцию и замыкали цепи. Она знала это. Знала и всё равно пошла.

Потому что Катя кашляла кровью.

Потому что последняя ампула «Рад-Экса» закончилась позавчера.

Потому что Семён сказал: «В „Заре" был медпункт. Третий этаж. Я его строил».

И она пошла.

2. Катя

Кате было девятнадцать. В обычном мире — в том мире, который Анна помнила обрывками, как полузабытый сон, — девятнадцатилетние поступали в университеты, влюблялись, красили волосы в идиотские цвета. Катя не умела ничего из этого. Она умела различать сорок три вида радиационных аномалий по цвету свечения. Могла собрать и разобрать довоенную винтовку за сорок секунд — с завязанными глазами, на ощупь. Знала наизусть карту московских тоннелей от «ВДНХ» до «Парка Победы». Умела читать.

Последнее было редкостью. Анна научила её сама, по единственной уцелевшей книге — довоенному техническому справочнику «Эксплуатация и ремонт электрооборудования подстанций». Катя выросла на нём. Её первым прочитанным словом было не «мама» — «трансформатор».

Сейчас Катя лежала рядом, прижавшись спиной к бетонной опоре эстакады, и дышала часто и мелко, как пойманный зверёк. Рюкзак с медикаментами — три ампулы, которые они нашли в подвале аптеки на «Щёлковской», — вдавился Анне в позвоночник. Ампулы были просрочены на двести с лишним лет. Но других не было.

Катя закрыла глаза. Её губы шевелились — беззвучно, ритмично. Анна прислушалась. «Трансформатор силовой трёхфазный двух обмоточный...»

— Заткнись, — прошептала Анна. Не грубо — умоляюще. — Заткнись, пожалуйста.

Катя открыла глаза. Они были серые, как у матери. Серые с зеленоватой искрой — единственное, что осталось от женщины, которая родила их обеих и умерла, когда Кате было три.

— Я не боюсь, — сказала Катя. Голос ровный, почти сонный. — Я трансформаторы считаю. Помогает.

— Помогает от чего?

— От всего.

Свист. Далеко, слева. Ритмичный — три коротких, один длинный. Перекличка.

Семён дёрнулся, как от удара током.

3. Семён

Семёну было двести тридцать семь лет. Он говорил об этом спокойно, будто называл температуру за окном. Двести тридцать семь лет — если считать с даты рождения. Двести тринадцать — с момента, когда бомбы упали на Москву, Вашингтон, Пекин и ещё полторы сотни городов, чьи имена теперь ничего не значили. И около ста восьмидесяти — с тех пор, как радиация и ВРУС заставили его тело мутировать в то, чем он стал.

Гуль. Когда-то это слово было ругательством. Потом — диагнозом. Потом — фактом.

Он сидел на корточках в тени опрокинутого грузовика «ГАЗ», чей борт до сих пор хранил выцветшую надпись «РобКо — будущее начинается сегодня». Кожа его — серая, потрескавшаяся, безносая маска, натянутая на череп. Уши отсутствовали — только хрящеватые отверстия. Глаза — молочно-жёлтые бельма, в которых что-то шевелилось, медленно, как водоросли в мутной воде. Одет он был в остатки довоенного комбинезона — синего, с логотипом «РобКо» на нагрудном кармане, — и поверх него в плащ из шкуры рад-оленя, выделанной так искусно, что Анна иногда забывала спросить, где он этому научился.

Он смотрел не на сестёр. Он смотрел в сторону руин торгового центра «Заря» — и вздрагивал.

Анна знала Семёна два года. Два года, три месяца и четырнадцать дней — она вела счёт. За это время она видела, как он голыми руками убил рад-скорпиона, пробив хитин в районе нервного узла. Видела, как он выпил воду из лужи, светившейся черенковским излучением, и не поморщился. Видела, как он простоял шесть часов под кислотным дождём, прикрывая их с Катей куском гофрированного железа. Его кожа дымилась. Он не издал ни звука.

Но сейчас — сейчас он боялся.

— Когти смерти, — одними губами произнесла Катя.

Анна проследила за взглядом Семёна. Из провалов витрин «Зари» — того, что осталось от стеклянного фасада, — вышли четверо. Может, больше. Плащи поверх кожаных доспехов, сшитых из человеческой кожи — Анна знала это наверняка, потому что один из плащей был украшен татуировками, которые продолжали жить собственной жизнью на мёртвом материале. Арбалеты. Дубины с вбитыми гвоздями и осколками стекла. У одного — дробовик, обмотанный изолентой, с прикладом из берцовой кости.

Рейдеры Котлована.

Секта.

Анна слышала о них. Все слышали. Котлован располагался в воронке на месте бывшего Останкинского телецентра — там, где бомба пробила землю на сто сорок метров и обнажила грунтовые воды, смешавшиеся с радионуклидами. Они пили эту воду. Они называли её «кровью земли». Они поклонялись радиации как божеству — не просто выживали в ней, а поклонялись. Их тела были покрыты язвами и наростами, которые они не лечили, а культивировали. Они не брали пленных.

Они брали материал.

Два года назад, в поселении «Кольцевая», Анна видела, что осталось от женщины, которую рейдеры вернули после «обряда». Женщина ещё дышала. Она ещё моргала. Но то, что было ниже шеи, уже не принадлежало ей — это был коллаж из плоти, проволоки и радиевой краски, светящийся в темноте. Она прожила три дня. Анна надеялась, что Катя этого не помнит.

Катя помнила.

4. Протоколы

— Люди, — выдохнул Семён.

Он не сказал «рейдеры». Не сказал «мутанты», «твари», «котлованские». Он сказал «люди». И Анна услышала в его голосе тоску — такую глубокую, что у неё перехватило дыхание.

Она знала почему.

Потому что Семён когда-то был человеком. Не просто гуль — гуль был конечным результатом. Сначала он был инженером. Семён Дмитриевич, ведущий специалист «РобКо» по системам жизнеобеспечения. Он проектировал вентиляцию для убежищ. Он строил медпункты в торговых центрах — на случай ядерной атаки, потому что до войны все верили, что торговые центры станут убежищами. Он знал, что это ложь. Он знал и всё равно строил — потому что платили хорошо, а у него была жена и сын.

Анна знала всё это, потому что однажды, год назад, когда они сидели в тоннеле метро под «Проспектом Мира» и ждали, пока наверху пройдёт радиационная буря, Семён рассказал. Не ей — темноте. Он просто говорил в пустоту, как говорят люди, которые слишком долго молчали. Анна слушала, обнимая спящую Катю.

Сын. Серёжа. Четыре года.

Жена. Лена. Ждала второго.

Дом в Черёмушках. Довоенный, кирпичный, с балконом.

В день, когда упали бомбы, Семён Дмитриевич был на смене. Он работал в центральном офисе «РобКо» — тот находился глубоко под землёй, в бункере, который строили как демонстрационный зал, но экстренно переоборудовали в командный центр. Когда сирены замолчали — когда сама Земля перестала дрожать, — он попытался выйти. Двери были заблокированы. Протокол «Колыбель».

Протокол «Колыбель» гласил: в случае ядерного удара все сотрудники «РобКо» уровня «С» и выше остаются в убежище до особого распоряжения. Никаких исключений. Никакой связи с внешним миром. Никаких попыток найти семьи.

Он просидел в бункере три месяца.

Когда протокол был отменён — когда «РобКо» решило, что снаружи достаточно безопасно, чтобы послать разведывательные группы, — Семён вышел на поверхность. Прошёл пешком через весь город. Нашёл свой дом. Нашёл балкон.

Нашёл три скелета. Два больших, один маленький.

Радиация уже начала менять его тело. Он не заметил.

Он прожил ещё двести лет. Двести лет вины. Двести лет вопроса, на который не было ответа: если бы он сломал дверь — если бы он пошёл к ним сразу, а не сидел в бункере и не ждал, пока кто-то сверху даст разрешение, — были бы они живы?

Ответа не было. Но вопрос оставался. И сейчас, глядя на рейдеров Котлована, Семён видел не врагов. Он видел людей — искалеченных, безумных, опасных, но людей. И он знал, что будет вынужден убивать их, чтобы защитить сестёр. Знал и всё равно будет.

Потому что второй раз он дверь не откроет.

Потому что второго «протокола» он не переживёт.

5. Цена

Семён вытянул руку — три костлявых пальца, четвёртый отсутствовал напрочь: оставил в пасти рад-медведя три года назад, спасая группу торговцев из Ярославля. Анна видела этот бой. Точнее — она видела, как Семён, уже без пальца, тащил на себе двоих раненых и спокойно, буднично объяснял, что медведь «подавился и ушёл».

Указал влево.

— Дренажный коллектор. Двадцать метров. Увидите решётку — снимите. Инструменты в рюкзаке. Дальше тоннель, прямой, без развилок, метров триста. Выйдете к насосной станции. Там — светло-жёлтая дверь, герметичная. Код: четыре-семь-один-один. Дата рождения Серёжи. — Он усмехнулся без губ. — Два раза вводить, сначала сброс. Я догоню.

Пауза. Анна смотрела на него. Он смотрел сквозь неё.

— А ты? — спросила она.

— Я здесь каждую трещину знаю. Работал когда-то.

И тогда Анна увидела. Не в его глазах — в его позе, в том, как он расправил плечи, которых почти не осталось, в том, как он переложил нож — старый, довоенный, с клеймом «Златоуст» — из левой руки в правую. Она увидела то, что он не говорил.

Он не собирался догонять.

Он собирался купить им время. Купить ценой себя. Купить, потому что двести лет назад он не купил время для жены и сына — он ждал разрешения. Теперь разрешения не требовалось.

— Нет, — сказала Анна.

Она не кричала. Она сказала это тихо, но так, как говорят слова, которые нельзя отменить. Она сказала: «нет», и это значило — нет, мы не уйдём без тебя; нет, я не позволю тебе умереть за нас; нет, хватит жертв.

И ещё — она не сказала этого вслух, но Семён услышал, — нет, ты не искупишь свою вину смертью, потому что смерть ничего не искупает, смерть просто обрывает, а вина остаётся, и тот, ради кого ты умер, будет нести её вместо тебя.

— Анна, — начал он.

— Нет.

— Анна, они...

— Нет.

Катя — тихая, испуганная Катя, считавшая трансформаторы, чтобы не бояться, — подползла к Семёну и взяла его за руку. За ту, в которой не хватало пальца. Взяла и прижалась щекой к его плечу.

— Не уходи, — сказала она. — Пожалуйста. Не уходи.

И тогда Семён — двухсот тридцатисемилетний гуль, потерявший семью, палец, кожу, нос и веру в человечество, — заплакал.

Из молочно-жёлтых глазниц, в которых шевелились радиационные водоросли, потекли слёзы. Густые, мутные, зеленоватые. Он плакал молча, как плачут те, кто разучился издавать звуки. Как плачут те, кто плакал слишком долго и исчерпал все слова.

6. Заря

Рейдеры приближались. Анна слышала их шаги — тяжёлые, шаркающие. Слышала их голоса — гортанные, с присвистом, на диалекте Котлована, в котором не было слова «пощада». Слышала, как один из них — тот, с дробовиком, — смеялся, и смех его напоминал скрежет металла о бетон.

Торговый центр «Заря» возвышался над ними, разрушенный и величественный. До войны здесь было семь этажей магазинов, кинотеатр на крыше, два ресторана и медпункт на третьем этаже — тот самый, который проектировал Семён. Сейчас здание напоминало скелет гигантского зверя. Перекрытия провалились, обнажив рёбра арматуры. Стеклянный фасад осыпался дождём осколков — они до сих пор хрустели под ногами, спустя двести лет. Вывеска «ЗАРЯ» висела на одном креплении и покачивалась на ветру, издавая протяжный скрип.

Анна думала быстро. Дренажный коллектор — нет. Бежать — нет. Рейдеров слишком много, они слишком близко. Драться — нет. У них дробовик. У Семёна — нож и три пальца.

Оставалось то, что всегда оставалось в Пустоши, когда кончались патроны, вода и надежда.

Переговоры.

Она посмотрела на Семёна. Он всё понял. Понял и покачал головой — медленно, тяжело.

— Они не договариваются.

— Со мной — договариваются, — сказала Анна.

И это было правдой. Не потому, что она была сильной, быстрой или хитрой. А потому что она умела говорить. Умела смотреть людям в глаза и находить то, что им нужно. Умела слушать — по-настоящему слушать, не перебивая, не оценивая. Умела задавать вопросы, которые открывали двери. Этому её научила мать — за год до того, как умерла. «Слова, Анечка, — единственное оружие, которое не убивает того, кто его держит. Запомни это. Слова — не оружие. Слова — ключи».

Мать работала дипломатом. В том, довоенном мире, который исчез так давно, что казался сказкой. Она вела переговоры с корпорациями, правительствами, военными. Анна не знала подробностей — знала только, что мать была хороша. Что её боялись и уважали. Что однажды она остановила войну между двумя убежищами, просто поговорив с их лидерами в одной комнате три часа.

Анна унаследовала этот дар. Или научилась ему. Или просто выжила достаточно долго, чтобы понять: в мире, где у каждого есть оружие, монополия на насилие перестаёт работать. Начинает работать монополия на понимание. Тот, кто понимает, что движет врагом, получает шанс. Маленький, призрачный, но шанс.

Она поднялась из-за эстакады.

— Стой! — прошипел Семён.

Она уже стояла. Во весь рост — невысокая, худая, с волосами, стянутыми в тугой узел на затылке. В рваной кожаной куртке, которая когда-то принадлежала матери. С пустыми руками, поднятыми ладонями вперёд.

Рейдеры замерли.

Их было пятеро — она ошиблась, пятеро, не четверо. Пятый, самый крупный, нёс на плече что-то, напоминавшее самодельный огнемёт. Он стоял чуть позади, наблюдая.

Тишина.

Ветер донёс до Анны запах рейдеров. Не гниль, не кровь, не радиация. Лаванда. Они пахли лавандой — сушёной травой, которую использовали в своих обрядах. Анна знала: они верят, что лаванда очищает дух перед тем, как дух возвращается к «крови земли».

Тишина длилась шесть секунд. На седьмой — главный, тот, с дробовиком, улыбнулся. У него не было нижней челюсти — только язык, болтающийся в провале рта. Он поднял дробовик.

— Материал, — сказал он. Голос был влажным, булькающим.

— Нет, — сказала Анна.

— Ты говоришь «нет»? — Он склонил голову набок. — Материал не говорит.

— Я не материал.

— Всё — материал. — Он обвёл дробовиком горизонт — эстакаду, руины, небо. — Всё — материал для крови земли. Ты, я, они. — Дробовик указал на Катю и Семёна.

— Если всё — материал, — сказала Анна, и голос её был ровным, как лезвие, — то ты такой же материал, как я. И у меня нет причин бояться тебя больше, чем ты боишься себя.

Рейдер моргнул. Челюсти у него не было — но он моргнул.

Анна продолжила:

— Ты умрёшь. Твоя секта умирает — я видела ваши лагеря на севере, вы уходите, отступаете. Радиация падает — вы это знаете. Ваш бог умирает, и вы умираете вместе с ним. Сколько вас осталось? Тридцать? Сорок?

Главный опустил дробовик. Не направил вниз — просто опустил ствол, так что он смотрел в землю.

— Мы — материал, — сказал он, но теперь его голос звучал иначе. Не угрожающе. Скорее — устало. — Но материал возвращается в кровь. Мы возвращаемся. А ты? Во что возвращаешься ты?

Хороший вопрос. Анна не знала ответа.

7. Трансформатор

И тут Катя запела.

Это не было пением в обычном смысле. Катя не умела петь — у неё не было слуха, не было голоса, не было мелодии. Она просто начала произносить слова — ритмично, монотонно, нараспев, — и слова эти были из довоенного технического справочника.

«Трансформатор силовой трёхфазный двух обмоточный масляного охлаждения состоит из следующих конструктивных элементов: магнитопровод, обмотки высшего и низшего напряжения, система охлаждения, расширительный бак...»

Она произносила это, глядя прямо на рейдеров, и её серые глаза с зеленоватой искрой светились в сером рассветном свете. Словно два маленьких генератора. Словно два трансформатора, преобразующих страх в слова.

Рейдер с огнемётом опустил оружие. Второй — тот, что был с арбалетом, — сделал шаг назад. Третий что-то забормотал — молитву или проклятие. Главный стоял неподвижно, и дробовик его смотрел в землю.

Катя продолжала. Голос её крепчал с каждым словом.

«...магнитопровод набирается из листов холоднокатаной электротехнической стали толщиной ноль тридцать пять миллиметра...»

И тогда Семён засмеялся. Это был странный смех — хриплый, скрежещущий, как будто кусок металла волочили по бетону. Но это был смех. Настоящий.

— А ведь я это проектировал, — сказал он. — Этот трансформатор. ТРДН-40000. Сорок тысяч киловольт-ампер. Я был в группе по системам охлаждения. Мы спорили, нужен ли расширительный бак на тридцать процентов или на сорок. Три недели спорили.

Рейдеры не понимали ни слова. Но они слышали. И то, что они слышали — голоса, смех, слова о трансформаторах — не укладывалось в их картину мира. Материал не говорит о трансформаторах. Материал не смеётся. Материал не знает, что такое расширительный бак. Материал — это плоть и страх. А здесь — здесь было что-то другое.

Главный рейдер поднял дробовик. Прицелился.

Анна закрыла глаза.

Она услышала выстрел. Услышала крик. Услышала, как что-то тяжёлое упало на бетон.

Открыла глаза.

Главный рейдер лежал на земле. Над ним стоял второй — тот, с огнемётом, который всё это время молчал. В руке у него был пистолет — маленький, дамский, довоенный «ПМ», который никто не заметил.

— Материал не говорит, — сказал второй рейдер. Голос его был глухим, но внятным. — А эти говорят. Значит — не материал.

Он опустил пистолет. Посмотрел на Анну. Глаза его — серые, как у Кати, — ничего не выражали.

— Уходите. Быстро. Пока остальные не поняли.

И Анна поняла.

Восприятие. Мать когда-то говорила: «Восприятие, Анечка, — это способность видеть не то, что перед тобой, а то, что за этим стоит. Видеть не рейдера — а человека, который им стал. Видеть не монстра — а дорогу, которая его создала. Видеть не врага — а выбор, который ты можешь ему предложить».

Она не победила рейдера. Она дала ему возможность вспомнить, кем он был до того, как стал рейдером. И он вспомнил.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. — Он сплюнул на труп главного. — Ненавидел его. Двадцать лет ненавидел.

Он развернулся и пошёл обратно к руинам «Зари». Плащ его — из человеческой кожи с татуировками — волочился по земле. Третий и четвёртый рейдеры постояли, посмотрели на труп, посмотрели на уходящего, переглянулись — и пошли за ним. Через минуту никого не осталось.

Только труп. Только запах лаванды. Только скрип вывески «ЗАРЯ» на ветру.

8. После

Они прошли через дренажный коллектор. Семён шёл впереди, потому что он действительно знал здесь каждую трещину. Катя шла за ним, продолжая шептать трансформаторы — теперь уже тихо, для себя. Анна замыкала.

В насосной станции — в той самой, со светло-жёлтой герметичной дверью и кодом «4711», — они устроили привал. Катя заснула почти мгновенно, свернувшись калачиком на куске теплоизоляции. Семён сидел у двери, нож на коленях, и смотрел в темноту тоннеля.

Анна села рядом.

— Как думаешь, — сказала она, — что с тем рейдером? С тем, который...

— Который убил главного? — Семён пожал плечами. — Убьют. Не сегодня — завтра. Он нарушил иерархию. Котлован такого не прощает.

— Но он нас спас.

— Да. Спас. — Семён помолчал. — А знаешь, почему?

— Почему?

— Не потому, что ты была убедительна. — Он повернулся к ней, и молочно-жёлтые глаза блеснули в темноте. — И не потому, что Катя читала про трансформаторы. Он спас нас потому, что двадцать лет ждал повода. Ты просто дала ему этот повод. Ты дала ему разрешение.

Он замолчал. Анна знала, о чём он думает.

О разрешении. О двери, которую он не открыл. О жене и сыне, которые умерли, пока он ждал.

— Семён, — сказала она.

— Не надо.

— Семён, послушай.

— Не надо говорить, что это не моя вина. — Голос его был ровным, но Анна слышала в нём трещину — глубокую, как та воронка в Останкино. — Я слышал это тысячу раз. От других. От себя. Это не работает. Вина — она как радиация. Невидимая. Неощутимая. Накапливается. И однажды — убивает.

Он провёл костлявой рукой по прикладу ножа.

— Но, может быть, — сказал он, — может быть, дело не в том, чтобы искупить. Может быть, дело в том, чтобы не повторить.

Катя во сне пошевелилась и что-то пробормотала. Анна прислушалась.

— Трансформатор... — прошептала Катя. — ...трёхфазный... двух обмоточный...

Анна улыбнулась. Семён — тоже. Сквозь трещины его безгубого рта проступило что-то похожее на улыбку.

Снаружи, над руинами Москвы, занимался рассвет. И воздух — впервые за много дней — не пах ничем.

Глава 2. Кофе в отделе проектирования

1. Автомат

Кофейный автомат «РобКо-Сервис-3» ненавидел Семёна Колобова. Это было очевидно каждому, кто хотя бы раз наблюдал их утренний ритуал: инженер третьего ранга прикладывает пропуск к считывателю, автомат долго гудит, мигает красным диодом и выплёвывает стаканчик — неизменно криво, так что пенка оказывалась снаружи, а на донышке оставалась бурая лужица.

— Ты ему просто не нравишься, — сказала однажды Марина. — У него алгоритм распознавания лиц. Он тебя запомнил.

— У кофейного автомата нет алгоритма распознавания лиц.

— У этого — есть. Корпоративный стандарт. Чтобы знать, кто сколько пьёт.

Семён тогда посмеялся. Но с тех пор, каждое утро подходя к автомату, он чувствовал на себе взгляд. Оптический сенсор над дисплеем действительно что-то сканировал — возможно, просто штрих-код пропуска, но в глубине души Семён верил: автомат его узнаёт. И не одобряет.

В это конкретное утро — пятница, 14 марта 2077 года, 8:47 по московскому времени — автомат превзошёл себя. Стаканчик упал набок. Двойной эспрессо вытек на решётку поддона. На дисплее загорелась надпись: «Благодарим за использование продукции РобКо. Хорошего дня!»

— Ах ты ж, — сказал Семён.

Он нажал «повторить». Пропуск — к считывателю. Жужжание. Мигание. Стаканчик. На этот раз — ровно. Маленькая победа. Он взял кофе, сделал глоток — обжигающе, крепко, горько, как он любил, — и повернулся к голографическому столу.

В центре зала висела проекция.

Она была огромной — метра четыре в поперечнике, полупрозрачная, с подсветкой по контуру. Убежище 117-Б. Типовой проект, третья версия. Глубокая закладка — двести сорок метров под землёй, ниже уровня грунтовых вод, ниже метро, ниже всего, что можно было пробить даже прямым попаданием. Автономное жизнеобеспечение — замкнутый цикл воды и воздуха. Гидропонные фермы на четыреста человек. Медицинский отсек, школа, спортзал. Всё как в техническом задании.

Семён смотрел на проекцию и чувствовал — что-то не так.

Не с проекцией. С ним.

Ему было тридцать два. У него была жена Лена — умница, красавица, ждала второго. Сын Серёжа — четыре года, помесь урагана и солнечного света, обожал разбирать игрушки и не собирать обратно. Двухкомнатная квартира в Черёмушках, тридцать четвёртый этаж, вид на парк. Работа — стабильная, престижная, с полным соцпакетом. По выходным — рыбалка с Серёжей на Москве-реке (рыбы не было, но процесс ему нравился). Раз в месяц — корпоративный ужин с коллегами. Раз в год — отпуск на Чёрном море.

Что не так?

Всё.

Нет, не так. Не «всё». Одно. Одно маленькое «что-то», которое он гнал от себя каждое утро, стоя перед кофейным автоматом. Крошечная трещина в фундаменте его жизни. Он знал о ней. Знал — и не хотел знать.

Проект «Колыбель».

2. Сроки

— Колобов!

Голос Гордеева влетел в зал раньше, чем сам Гордеев. Семён поморщился.

Николай Сергеевич Гордеев, начальник сектора подземных сооружений, пятидесятидвухлетний мужчина с животом, который опережал его на полшага, и глазами-буравчиками. В «РобКо» он работал двадцать восемь лет. Начинал ещё при старом директоре — том, который заложил первый камень в основание корпорации. Гордеев помнил те времена — когда «РобКо» строила не убежища, а заводы. Когда слово «Колыбель» означало просто «люлька младенца», а не протокол экстренной эвакуации.

Теперь он был зол. А зол он был всегда.

— Твоя спецификация по шлюзовым уплотнителям, — он бросил планшет на стол. Планшет скользнул по стеклянной поверхности, остановился у края. — Третья ревизия. Ты издеваешься?

— Доброе утро, Николай Сергеевич.

— Утро добрым не бывает. Уплотнители. Ты заложил тройной контур.

— Потому что двойной контур не выдержит давления грунтовых вод при глубинной закладке. Я проводил расчёты, там...

— Я видел твои расчёты. — Гордеев ткнул пальцем в планшет. — Тройной контур — это плюс четырнадцать процентов к смете. Плюс три недели к монтажу. Плюс пере согласование

с Москвой. Ты понимаешь, что у нас сроки? Ты понимаешь, что 117-Б должен быть сдан в октябре?

— Понимаю, — сказал Семён. — Но я также понимаю, что через год после сдачи туда заедут люди. Четыреста человек. И если двойной контур потечёт — а он потечёт, я вам гарантирую, — эти четыреста человек окажутся в ловушке. Их не эвакуировать. Глубина двести сорок метров — это вам не подвал.

Гордеев прищурился.

— Ты так говоришь, будто война — это реальность, а не гипотеза.

Семён промолчал.

Война была реальностью. Это знали все — просто не все хотели об этом говорить. Последний брифинг Министерства обороны, который им показывали по внутренней сети, был посвящён «оценке вероятности глобального конфликта». Вероятность оценили как «высокую». Потом брифинг сняли с эфира и заменили на «корпоративный дайджест». Но те, кто успел посмотреть, — те запомнили. Семён успел.

Он помнил карту. Красные зоны. Круги поражения. Москва — в эпицентре.

— Слушай, — сказал Гордеев, и его голос стал тише, почти интимным. — Я понимаю. Я всё понимаю. Но приказ сверху — ускориться. Не я это придумал. Если хочешь спорить — иди к Ветровой. У неё свои каналы. А с меня — спецификация к понедельнику. Двойной контур. Подпись. Всё.

Он развернулся и пошёл. Потом остановился. Добавил через плечо:

— И кофе этот свой брось. От него воняет на весь этаж.

Ушёл.

Семён посмотрел на планшет. Потом на проекцию Убежища. Потом на кофейный автомат — тот подмигивал зелёным диодом, как будто насмехался.

Двойной контур.

Четыреста человек.

В понедельник.

3. Марина

Марина Ветрова работала этажом выше — в отделе перспективного проектирования, куда пускали не всех. Даже Семёна, ведущего инженера третьего ранга, пропускали туда только по спецдопуску, раз в месяц, и то — в сопровождении. Но сегодня ему не нужен был допуск. Сегодня ему нужна была Марина.

Он нашёл её в оранжерее — небольшом зимнем саду на крыше корпуса 4-В, который построили по инициативе самой Марины три года назад. «Если мы проектируем замкнутые экосистемы, — сказала она тогда на совещании, — мы должны понимать, как они работают. Не в теории. На практике». Ей выделили бюджет. Она вырастила помидоры, базилик и два лимонных дерева. Помидоры были кислые. Базилик — отличный. Лимоны — мелкие, но настоящие.

Марина стояла у грядки с базиликом и обрывала пожелтевшие листья. На ней был белый халат поверх комбинезона — стандартная униформа, но на Марине она смотрелась иначе. Как будто не униформа, а мантия. Высокая, с тёмными волосами, стянутыми в тугой узел на затылке. Усталые глаза — инженера, который знает больше, чем говорит. И тонкие пальцы — пальцы пианистки, хотя Семён знал, что она никогда не играла. Не на чем было играть в том интернате, где она выросла.

— Привет, — сказал он.

— Привет. — Она не обернулась. — Гордеев опять?

— Гордеев опять.

— Двойной контур не пропустил?

— Откуда ты...

— Я читала твою спецификацию. Хорошая работа. Тройной контур — правильное решение.

— Он говорит — сроки.

— Он всегда говорит «сроки». — Марина отряхнула руки и повернулась. — Это его работа. Его работа — срезать углы. Твоя работа — не давать ему это делать.

— Моя работа — подписывать спецификации к понедельнику.

— Подпиши двойной.

— Что?

— Подпиши двойной контур. А в рабочей документации — той, что пойдёт строителям, — оставь тройной. Гордеев читает только титульные листы. Он не заметит.

Семён моргнул.

— Это... не совсем законно.

— Это совсем незаконно, — согласилась Марина. — Но законно — это когда четыреста человек не захлёбываются грунтовыми водами. Выбирай.

Он выбрал. Они оба знали, что он выберет.

Марина кивнула. Подошла к лимонному дереву, сорвала один плод — мелкий, с толстой коркой. Протянула Семёну.

— Держи. Витамин С. От стресса помогает.

— Ты веришь в витамины?

— Я верю в то, что помогает.

Он взял лимон. Покрутил в пальцах. Плод был тёплым, шершавым, живым. В мире пластика, бетона и голографических проекций — живой плод. Семён сунул лимон в карман.

— Марин, — сказал он. — А зачем ты вообще здесь? Ты же на три головы выше всей нашей конторы. Ты могла бы работать хоть в «Вест-Техе», хоть в правительстве. Зачем тебе «РобКо» и наши убежища?

Она долго смотрела на него. Так долго, что он начал чувствовать себя неловко. Потом сказала:

— Потому что я хочу, чтобы хоть одно убежище было построено правильно.

— Почему?

— Потому что моя дочь будет жить в одном из них.

Семён замер.

— У тебя есть дочь?

— Будет. — Она улыбнулась — устало, уголками губ. — Через четыре месяца.

— Марина... я не знал.

— Никто не знал. Я не хотела, чтобы знали. — Она отвернулась к грядке. — В «РобКо» беременность — это понижение в должности. Сам знаешь корпоративную политику: «семья — это прекрасно, но сначала сдайте проект». Я сдам проект. А потом — уйду. В декрет, в другое убежище, куда угодно. Но проект — будет готов. И будет правильным.

Тишина в оранжерее была густой, как базиликовый запах. Семён думал о Лене. О том, как она сказала ему о второй беременности — месяц назад, на кухне, поздним вечером. Она плакала — от радости, от страха, от гормонов. Он обнимал её и обещал, что всё будет хорошо. Что он защитит их. Что он построит им мир, в котором не страшно растить детей.

Теперь он стоял в оранжерее с чужим лимоном в кармане и понимал: мир, который он строит, — это не мир. Это убежище. И он не уверен, что даже убежище получится правильным.

— Как ты собираешься работать с ребёнком? — спросил он.

— Так же, как ты. У тебя же сын.

— Сын — это другое.

— Почему?

— Потому что... — Он замолчал. Потому что что? Потому что быть отцом в мире, который катится к войне, — это значит каждый день просыпаться с мыслью: я не успею. Потому что Серёже четыре года, и он спрашивает: «Папа, а что ты строишь?» — и Семён не может ответить. Не может сказать: «Я строю нору, в которой ты, возможно, проживёшь всю жизнь и никогда не увидишь солнца». Он говорит: «Дома, Серёжа. Я строю дома».

— Потому что я не справляюсь, — сказал он вслух.

Марина посмотрела на него. И впервые с начала разговора её глаза потеплели.

— Никто не справляется, Семён. Мы просто делаем вид.

4. Цифры

Он вернулся в отдел в одиннадцать. Сел за стол. Открыл спецификацию.

Двойной контур уплотнителей.

Двойной — это значит: два слоя герметизации вместо трёх. Внешний — резинополимерный композит «Герма-7», внутренний — армированный силикон «Барьер-3М». Между ними — вакуумная прослойка для контроля давления. Работает. В теории — работает. Если давление грунтовых вод не превысит расчётного. Если не будет землетрясения. Если через пятьдесят лет композит не начнёт расслаиваться. Если, если, если.

Тройной контур — это на один слой больше. Средний слой — активный, с датчиками деформации, с системой микроинъекций, которая сама затягивает трещины. Дороже на четырнадцать процентов. Дольше на три недели. Зато — работает всегда.

Семён открыл калькулятор.

Четырнадцать процентов к смете одного убежища. Умножить на двенадцать убежищ в московском кластере. Умножить на тридцать два кластера по стране. Итого — перерасход бюджета на шесть миллиардов рублей. Шесть миллиардов. За эти деньги можно построить ещё одно убежище. Или две больницы. Или три школы.

А можно — спасти четыреста человек, умноженные на двенадцать, умноженные на тридцать два, от смерти в грунтовых водах через пятьдесят лет после войны.

Шесть миллиардов рублей или сто пятьдесят три тысячи шестьсот жизней.

Гордеев выбрал бы рубли.

Семён закрыл калькулятор. Открыл рабочую документацию. И оставил тройной контур.

5. Обед

В корпоративной столовой пахло щами и страхом. Суп был жидкий, страх — густой. Сотрудники «РобКо» ели, переговаривались, делали вид, что всё нормально. Но каждый знал: не нормально. Каждый видел утренние новости — те, что успели показать до того, как их сняли с эфира. Каждый слышал глухие раскаты где-то на востоке — то ли учения, то ли нет.

Семён взял поднос, сел за свободный столик у окна. Окно выходило на внутренний двор — бетонный колодец, в котором чахли три тополя, посаженные по корпоративной программе озеленения. За семь лет они выросли на полтора метра. Бетон не давал корням дышать.

К нему подсела Зоя — инженер из его группы, молоденькая, год как после института. У неё были веснушки и вечно испуганные глаза.

— Семён Валерьевич, можно спросить?

— Спрашивай.

— Тройной контур — это правда необходимо? Или вы просто перестраховываетесь?

Он отложил ложку.

— Зоя, ты когда-нибудь была в настоящем убежище? Не в демо-зале, а в том, которое введено в эксплуатацию?

— Нет.

— Я был. Три года назад. Убежище 84-А, под Воронежем. Знаешь, что я там увидел?

— Что?

— Воду. Везде. По стенам, по полу, по потолку. Конденсат, протечки, грибок. У них был двойной контур — стандартный, как в моей спецификации. Не выдержал. Три года — и не выдержал. А убежище должно стоять двести лет. Минимум. Может, больше. И люди должны жить в нём всё это время. Не выживать — жить.

Он замолчал. Зоя смотрела на него, не моргая.

— И что с тем убежищем? — спросила она.

— Закрыли. Расселили. Кого смогли. Остальные...

Он не договорил.

— Остальные? — повторила Зоя.

— Остальные остались.

Он не сказал, что случилось с теми, кто остался. Не сказал про грибок, который прорастал в лёгких. Не сказал про воду, которая стала радиоактивной, потому что протечка была не только снаружи, но и из системы охлаждения реактора. Не сказал про детей, которые рождались без ногтей и ресниц.

Зое не нужно было знать. Ей нужно было просто — делать свою работу. Хорошо делать. Так, чтобы ни одно убежище, которое она спроектирует, не стало вторым 84-А.

— Тройной контур — это необходимо, — сказал он. — Это не перестраховка. Это минимум.

Зоя кивнула. В глазах её появилось что-то, чего Семён не видел раньше. Не страх. Не понимание. Решимость.

— Я запомню, — сказала она.

Семён доел щи. Поднялся. У выхода из столовой его перехватил человек из отдела безопасности — неприметный, в сером костюме, с бейджиком «Технический контроль».

— Семён Валерьевич? Прошу пройти со мной. Вас ожидает Ветрова.

— Марина?

— Нет. Илья Григорьевич.

Семён похолодел.

Илья Григорьевич Ветров, директор по перспективному проектированию. Отец Марины.

Человек, который знал всё.

6. Отец

Кабинет Ильи Григорьевича находился на минус третьем этаже — туда вела отдельная линия лифта, требовавшая биометрической аутентификации. Семён спустился. Двери открылись в длинный коридор, обшитый деревом — настоящим деревом, не пластиком. Полы — мрамор. На стенах — картины. Айвазовский, Шишкин, Рерих. Оригиналы? Семён не спрашивал.

— Проходите.

Илья Григорьевич сидел за столом из цельного дуба. Ему было за шестьдесят, но выглядел он на пятьдесят — подтянутый, седой, с холодными голубыми глазами. Одет не в корпоративный комбинезон, а в костюм — тёмно-серый, с иголочки.

— Кофе? — спросил он вместо приветствия.

— Спасибо, я уже.

— Знаю. Двойной эспрессо из автомата. — Он усмехнулся. — Вы пьёте слишком много кофе, Семён Валерьевич. Это вредно.

— Вы хотели меня видеть, Илья Григорьевич?

Ветров откинулся в кресле. Помолчал. Потом сказал:

— Моя дочь беременна.

Семён не знал, что ответить. Он не был уверен, что это вообще вопрос.

— Она вам сказала?

— Она мне ничего не говорит последние два года. Я узнал из медицинского отдела. — Он побарабанил пальцами по столу. — Вы знаете, что она делает в оранжерее? Кроме того, что выращивает базилик?

— Работает.

— Работает. — Ветров кивнул. — Она хороший инженер. Лучший в отделе. Я не преувеличиваю — у неё абсолютное инженерное чутьё. Но она... как бы это сказать... чересчур ответственная.

Семён ждал.

— Тройной контур шлюзовых уплотнителей, — продолжил Ветров. — Это её идея, не так ли? Она предложила его три года назад, на закрытом совещании. Её не поддержали. Слишком дорого. Теперь — вы вносите его в спецификацию 117-Б. Совпадение?

— Я вношу его, потому что двойной контур не работает. Я был на 84-А.

— 84-А — это не аргумент. 84-А проектировали двадцать лет назад по старым стандартам. Сейчас стандарты другие.

— Стандарты другие. Грунтовые воды — те же.

Ветров долго смотрел на него. Взгляд голубых глаз был неприятным — как будто Семёна взвешивали на невидимых весах.

— Вы мне нравитесь, Колобов, — сказал он наконец. — Вы инженер. Настоящий. Не бюрократ. Таких мало осталось. Большинство уже научились говорить «да». А вы — нет. Это ценно. — Он помолчал. — Поэтому я скажу вам то, что не говорил никому, кроме Марины. Хотя ей — зря. Не надо было.

Он встал, подошёл к стене, нажал скрытую панель. Стена раздвинулась, открывая экран. На экране — карта мира. Такая же, как на том снятом с эфира брифинге. Только детальнее.

— Это не гипотеза, Семён Валерьевич. Это расписание.

Красные точки. Даты. Москва — в списке первых.

— Когда? — спросил Семён. Голос его был чужим — глухим, деревянным.

— Три месяца. Может, шесть. Может, год. Но не больше. — Ветров выключил экран. — И вот что я хочу вам сказать. Не как начальник. Как отец. Как человек, который построил тридцать два убежища и знает, что каждое из них — компромисс. Стройте хорошо. Не для отчёта, не для Гордеева, не для меня. Для тех, кто будет там жить. Если мы не можем предотвратить войну — мы можем хотя бы построить хорошие норы.

Он подошёл к Семёну. Положил руку ему на плечо.

— И ещё. Моя дочь. Марина. Она считает, что может всё. Что справится с проектом, с ребёнком, с войной. Она не справится. Никто не справляется. Просто... будьте рядом. Если сможете.

Семён кивнул. Он не знал, что сказать. Да и что тут скажешь?

7. Письмо

Он вернулся в отдел в три часа дня. Сел за стол. Открыл спецификацию. Внёс последние правки — те, которые оставляют тройной контур в рабочей документации и двойной в титульной. Отправил Гордееву.

Потом открыл личную почту — внутреннюю, зашифрованную, которую использовали только для несрочных сообщений. Написал Лене.

«Привет. Я сегодня приду поздно. Опять Гордеев со своими сроками. Ты как? Серёжа как? Не ждите к ужину. Целую».

Подумал. Добавил:

«Я тебя люблю. Ты знаешь это, да?»

Отправил.

Подумал ещё. Открыл новое письмо. В строке «Кому» — Марина Ветрова. В теме — «Оранжерея».

«Марина, я говорил с твоим отцом. Он знает про ребёнка. Не спрашивай — он узнал из медотдела. Это его методы, ты знаешь. И ещё: он попросил меня быть рядом. Я не понял, что это значит. Но если тебе что-то нужно — ты скажи. Я рядом».

Отправил.

Закрыл почту. Допил остывший кофе — тот, что принёс с собой утром. Кофе был горьким, холодным и, кажется, именно таким, каким должен был быть.

На голографическом столе висела проекция Убежища 117-Б. Четыреста человек. Двести сорок метров под землёй. Тройной контур уплотнителей, который никто, кроме него и Марины, не заметит.

Семён смотрел на проекцию и думал о том, что Ветров сказал в конце. «Если мы не можем предотвратить войну — мы можем хотя бы построить хорошие норы». Звучало как благородная цель. Как оправдание.

Но Семён знал правду. Ту правду, которую он даже себе боялся произнести вслух.

Хорошие норы — это всё равно норы. И тот, кто их строит, — не спаситель. Тот, кто их строит, — сообщник. Потому что если бы они все — он, Гордеев, Ветров, вся «РобКо» — если бы они все вложили свои усилия не в норы, а в то, чтобы норы не понадобились... Может быть, что-то изменилось бы? Может быть, война не была неизбежностью? Может быть, это они сделали её неизбежной — тем, что поверили в неё? Тем, что начали готовиться к ней, а не предотвращать её?

Это была опасная мысль. Семён знал это. Знал — и всё равно думал.

8. Вечер

В семь вечера он выключил компьютер, взял куртку и пошёл к выходу. В коридоре столкнулся с Зоей. Она всё ещё сидела за своим столом — единственная во всём отделе, кроме него.

— Вы ещё здесь? — удивился он.

— Доделываю. — Она показала чертёж. — Тройной контур. Для 118-В. Решила — если уж вы считаете, что это минимум...

— Я считаю, что это минимум. Но Гордеев тебя съест.

— Пусть. — Она улыбнулась. Веснушки её светились в тусклом свете ламп. — Если мы все будем бояться Гордеева, кто будет строить убежища?

Семён не нашёлся с ответом.

Он вышел на крыльцо. Мартовский вечер был сырым и тёмным. Ветер пах бензином и тающим снегом. Где-то высоко, над облаками, гудел самолёт — или, может, не самолёт. Может, что-то другое.

Он достал из кармана лимон — тот самый, который дала Марина. Маленький, тёплый, с толстой коркой. Почистил, съел. Лимон был кислый — до дрожи, до слёз. Но настоящий.

Семён стоял на крыльце, смотрел на огни Москвы — они горели, как всегда, ровно и ярко, — и думал о том, что через несколько месяцев этот свет погаснет. Думал о Лене, которая ждала его дома. Думал о Серёже, который, наверное, уже спит. Думал о Марине и её будущей дочери. Думал о Зое с её тройным контуром. Думал о четырёхстах людях, которые заедут в 117-Б и, возможно, никогда не узнают, что кто-то спорил о количестве слоёв уплотнителя, пока они ещё не родились.

Мы строим норы, подумал он. Хорошие норы. Но когда-нибудь — через двести лет или через триста — кто-нибудь выйдет из этих нор. И что он увидит? Что мы ему оставили?

Ответа не было. Только ветер. Только огни Москвы. Только кислый вкус лимона на губах.

Он повернулся и пошёл к метро. Завтра была суббота. Он обещал Серёже рыбалку.

9. Ночь

Ночью, лёжа без сна и слушая дыхание Лены, он снова думал. Теперь — о другом. О том, как утром стоял перед кофейным автоматом, и тот мигал ему зелёным диодом, и на дисплее горело «Хорошего дня», и всё это было неправдой. Хорошего дня не будет. Хорошего дня уже не было — наверное, с тех самых пор, как первый камень лёг в основание первого убежища.

Он думал о протоколе «Колыбель». О том, что написано в тридцать четвёртом параграфе — том, который не показывают рядовым сотрудникам. В случае ядерного удара все сотрудники «РобКо» уровня «С» и выше должны немедленно проследовать в убежище согласно штатному расписанию. Никаких исключений. Никакой связи с внешним миром. Никаких попыток найти семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.